

Иван Зорин

ВЕЧНОСТЬ МИГА:
роман двухсот авторов

ФТМ

Иван Зорин

**Вечность мига: роман
двухсот авторов**

«ФТМ»

2015

Зорин И. В.

Вечность мига: роман двухсот авторов / И. В. Зорин — «ФТМ»,
2015

ISBN 978-5-4467-3224-1

Роман российского писателя Ивана Зорина «Вечность мига» – грандиозная мистификация, в которой умещается вся история художественного слова; это произведение, равное «1001 ночи»; лабиринт, из которого невозможно выбраться; патент жанра «эклибри», где авторы выступают наравне с персонажами, а персонажи обретают равноправие с авторами. Роман «Вечность мига: роман двухсот авторов» можно читать с любой страницы; это роман-библиотека, сжатая в один том: бумажный змей длиной в бестселлер. Сотканная из настоящих и вымышленных фрагментов литературных произведений книга, в которой нашли приют шутки, притчи и рассказы размером «с ладонь».

ISBN 978-5-4467-3224-1

© Зорин И. В., 2015

© ФТМ, 2015

Содержание

Предисловие	5
Неосторожная мысль	6
Дело случая	7
Ранние наклонности	8
Последнее слово за нами	9
Лики прогресса	10
История одной истории	11
Последняя капля	12
Превратности судьбы	13
Человек – мерило всего	14
Смерть правозащитника	15
Юмор висельника	16
Себе во вред	17
Психология цифр	18
Четвёртая власть	19
Сказано – сделано	20
«Умом Россию не понять...»	21
Изощрённые козни	22
Голый король. Продолжение	23
Учение – свет!	24
Думать позитивно	25
Личные мотивы	26
Мудрость простодушия	27
Находчивость	28
Абсолютная истина	29
Реквием по художнику	30
Люди и звери	31
Основной вопрос философии	32
Страшная месть	33
Фата Моргана	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Иван Зорин

Вечность мига: роман двухсот авторов

Посвящается Лизе

Предисловие

Один библиотекарь конспектировал книги на маленьких листочках, которые собирал в коробку. «Так их удобнее взять», – объяснял он свою карманную библиотеку.

Один писатель предпочитал длинному повествованию множество коротких. Он составлял антологии, приносиваясь к минувшим эпохам, как гончая, находя оставленные ими следы. «Так их удобнее взять», – сшивал он лоскутья из оригинальных и апокрифических сочинений.

Эта книга соткана из фрагментов литературных произведений. В ней нашли приют шутки, притчи и рассказы размером «с ладонь».

Так их удобнее взять.

Неосторожная мысль

«Плоть не даёт сосредоточиться, тело мешает думать!» – учил один дервиш, изнурявший себя бесчисленными постами. Когда эти слова дошли до халифа – да продлит Аллах его годы! – он приказал отрубить дервишу руки и ноги, отрезать уши и язык, подвесив в мешке на дереве. «Какой глупый! – воскликнул халиф, когда дервиш умер. – Его освободили от всего лишнего, а он так ничего и не придумал».

Аль-Дживаз. «Ахбар ас-сифла¹» (889)

¹ Истории простого народа (араб.)

Дело случая

Один палач вошёл в темницу к юноше, которого приговорили к казни.

– Ты боролся с тиранией, которой я служу, – обратился он к нему. – Но и мне ведома справедливость, поэтому я отпущу тебя.

– Где бы я ни находился, – возразил юноша, – меня всюду схватят слуги раджи.

– Тогда, – предложил палач, – давай поменяемся платьем, и уйду я, а ты займёшь моё место – в тюрьме тебя не будут искать.

С тех пор палач устраивает заговоры, а юноша рубит заговорщикам головы.

Сатиочандра Датта. «Бенгальские пураны» (1687)

Ранние наклонности

Огромный лохматый пёс угрожающе рычал и, казалось, собирался хвостом выбить глаз.
– Не бойся, он не укусит, – успокоил мальчишку рыжий ирландец, берясь двумя пальцами за ошейник.

Ребёнок достал пистолет.

– Не бойся, он не заряжен, – мрачно ухмыльнулся он, целя ирландцу в лоб.

Мальчика звали Аль Капоне.

Джоан Скетч. «Глаза над дверью» (2001)

Последнее слово за нами

- Один увидел во сне, как перерезает чужое горло, а проснулся с больным своим.
- Это что! У одного во сне заболело горло, а проснулся – со своим перерезанным!

Записки психиатра

- Что делать, если после еды – в животе танцы?
- Прописываю вам танец живота.
- Смотреть? Или серьёзно хотите моей смерти? Может, тогда сразу танец на животе?
- На чужом – пожалуйста! А ваш слишком большой. Кстати, попробуйте от живота –

танцы.

Записки диетолога

- Мир по Сотворении был прекрасен, но Бог проиграл его в кости дьяволу.
- Слышал другое. «Я создал небо и землю, море и ветер, бегемота и цаплю, – ставя на кон Своё творение, швырнул камни Бог. А когда выпало мало, добавил: – И над миром поставил людей». Дьявол пригляделся: «Боже, что они с ним сделали!»

И отказался от выигрыша.

Записки богослова

Ардалион Куц, «По записным книжкам» (1920)

Лики прогресса

Он выпрыгнул из прошлого, как чёртик.

– Я – современник Карла Великого и Гаруна аль-Рашида, – поправил он на поясе рог трубадура. – А ты – овечки Долли и полутора десятка рок-звёзд. Не находишь, что мы похожи?

Я пожал плечами.

– Как и все в мою эпоху, я верил в Творца, ты тоже, как и все, веришь в Большой Взрыв. Правда, мы философствовали всерьёз, вы – «как бы». – Он заправил в штаны льняную рубаху. – Мы голодали в недород, жили по звёздам и умирали в срок, вы строите жизнь по рецептам врачей и диетами продлеваете старость. – Я замахал руками, но он остановил меня, приложив палец к губам. – А разве мы не сверяли время с палестинской Легендой, как вы – с мифами СМИ? И разве нас не согревала мечта о Царствии Небесном, как вас – иллюзия земного потребления?

Он насмешливо скривился.

– Из Библии каждый у нас знал устройство мира, вы же испытываете ужас от одиночества в огромной, бездушной Вселенной и, чтобы не сойти с ума, не думаете о ней, привыкнув жить в незнании...

Переводя дыхание, он поскрёб лоб грязным ногтем.

– Мы следили за папскими буллами, вы – за биржевыми прогнозами, для нас последней инстанцией был Бог, для вас – международный трибунал...

– Можешь добавить, – вставил я, ослабляя галстук, – что вы не сомневались в священной особе короля, а мы избираем президентов, над которыми смеёмся, и аплодируем политикам, которым не доверяем.

– Вот именно, и на кой чёрт такой прогресс?

Он показал язык.

– А вот за этим! – достал я пистолет и застрелил его.

Эрик Клише. «Социологический опрос в раннем Средневековье» (2000)

История одной истории

При багдадском дворе прославился один мутазилит.

– Что можешь ты знать об Аллахе, если не знаешь, как вывести перхоть со своей головы? – задавал он всем один и тот же вопрос.

– Об Аллахе нам известно от Пророка, – возражали ему. – О Пророке же толкуют хадисы, предания предков.

Тогда мутазилит рассказывал такую историю.

– На состязание мудрецов в Нишапуре султан Курдистана послал своего раба-суфия, мужа большого ума. Тот разгадал все предлагавшиеся загадки и в свою очередь задал свою: «Что общего у статуй с прокажёнными?» А когда его соперники смутились, ответил: «У тех и других со временем проваливаются носы». Его остроумие оценили по достоинству, присудив победу, и, пока он возвращался в Курдистан, впереди него неслись слухи. Говорили, что он всегда держит нос по ветру, может провалиться сквозь землю, так что наружу будет торчать только нос, или на сорок дней и ночей застыть неподвижно, как статуя. Передавали также, что в награду он получил столько золота, что позавидовавшие ему джинны превратили перевозивших золото верблюдов в каменные изваяния.

А султан, стоя на пороге, издали встретил его вопросом: «Слышал, у тебя проказа?»

Ибн Захир. «Китаб ан аль-кутуб» (1127)

² Книга о книгах (араб.)

Последняя капля

Она: «Пора выгуливать Шпица. Слышишь? Отложи, наконец, газету! А ведь я предупреждала: заводить собаку в небоскрёбе – безумие. Лучше птицу – её хоть на крышу выпустишь. Ну, разве я не права? Хватит читать! Ему, видите ли, лень на лифте спуститься! Мало того, что мне жизнь сгубил, ещё и над животным издевается...»

Он (беря на руки собаку, шагает с балкона): «Ну что, Шпиц, погуляем?»

Эжен Ламурье. «Энциклопедия абсурда» (1967)

Превратности судьбы

Согласно одной бурятской легенде Чингисхан не умер в 1227 году и не похоронен на горе Бурхан-Халдун, а уснул. Пробудившись через триста лет, он видит жалкий конец своей Империи. «О, Тэнгри! – восклицает он, воздев руки к Вечно Синему Небу. – Где мои степные бахадуры? Где их застилавшие солнце стрелы, где их трепещущие на ветру бунчуки? Где их свистящие арканы, просторные шатры и бесчисленные табуны? О, Тэнгри! Когда-то молодой удалец набирал среди кочевий людей длинной воли, чтобы резвыми скакунами вытоптать мир, как траву, и за это его прозвали Потрясателем Вселенной. Он учил, что жизнь одного бесстрашного стоит тысячи жизней трусов. Его богатыри были как серые кречеты, – теперь их кости клюют вороны, а их кривые сабли ржавеют – но не оттого, что насытились кровью. О, Тэнгри! Ты прибрало и друзей, и врагов, зачем же оставило немощного старика, который видит сны о Чингисхане?»

С тех пор Владыка Мира бродит среди сопок, и дети смеются над его седой бородой.

Эренжэн Хара Мангьит. «Наследие степей» (1928)

Человек – мерило всего

– Те, кому личностная история кажется куда интереснее истории Вселенной, а отдельная судьба представляется значимее мировых судеб, занимаются искусством. Те же, кому наоборот – наукой.

– По-твоему, учёные о себе не думают? Ещё как! Только и мечтают: «Вот разгадаю тайну Вселенной и – продам!»

Прот Агор. «Скептические диалоги» (II в. до н. э.)

Смерть правозащитника

Он был добрейшей души человек. К тому же – скромник, про таких говорят: «Будет стесняться даже на собственных похоронах». К старости он увлёкся буддизмом, и ему взбрело в голову выступить в защиту насекомых. Его матрас стал рассадником клопов, которым он, ворочаясь ночами, исправно служил донором, а за печкой он устроил блошиный питомник, так что в его избе танцевали от неё подальше. Со временем его друзьями стали гусеницы, тля и вши, а сырыми вечерами он подставлял голую шею комарам, предлагая: «Нате, пейте!» Вскоре по округе поползли слухи, что тараканы из щелей залезли к нему в голову, но у правозащитника появились подражатели, обретшие смысл в спасении наших булавочных собратьев. Они пышно хоронили раздавленных каблуками козявок, боролись против привычки щёлкать мух и воротили носы от женщин, визжащих при виде пауков. Движение ширилось, а вместе с ним росла и слава его основателя. Дело дошло до того, что его пригласили на телевидение с речью об энтомологическом геноциде. Он отказался. Понадеявшись на свою известность, он думал обойтись без прессы. «Вы сами, как подкованные блохи, – съязвил он телевизионщикам, – у вас на каждый язычок приготовлен ярлычок...» В отместку те заявили к нему, принеся на подошвах сотню затоптанных букашек. Старика тут же хватил удар. Однако он остался до конца верным своему делу и перед смертью завещал соорудить себе могилу из муравейника возле пасеки, чтобы над ним кружились мохнатые шмели.

Иштван Надь. «Демократия как фарс» (2004)

Юмор висельника

Повезло одному приговорённому к повешению. Желание смертника – закон, и в день казни исполнялись все его прихоти, седые стражники потакали всем его капризам. Он заказал роскошный ужин, дорогого вина и женщину. С ним носились, как с писаной торбой, ему прислуживали палач и начальник тюрьмы, а приглашённый оркестр услаждал его слух.

И все с нетерпением поглядывали на часы.

Но в последний момент пришло помилование. «Надо же, один только день и пожил по-человечески!» – вспоминал он остаток жизни.

Дафна Бертрам. «Всё познаётся в сравнении» (1835)

Себе во вред

После ужина пили коньяк, курили. Рюмка развязала язык, с пунцовыми щеками она трещала, как сорока.

– Смотри, все слова переговоришь, – остановил её он.

– Это как?

– А так, – загасив окурок, плотно устроился он в кресле. – Давным-давно жил на свете неисправимый болтун, который мог часами распространяться о чём угодно...

– Он был политик? – наморщила она носик.

Он пропустил мимо.

– В округе от него все разбегались, а, выходя из дому, молились, чтобы случайно с ним не столкнуться, и их молитвы были услышаны. Бывало, человек этот долбил, как дятел, одно и то же, а тут стал замечать, что раз произнесённое слово навсегда исчезает из речи. Он будто его забывал: скажет «дождь» – и забудет, скажет «лес» – и тот вылетит из головы...

– Склероз? – опять вставила она.

Он остался невозмутим.

– Поначалу человек не обращал на это внимание, ведь он был великий оратор, перед которым мерк Цицерон, и легко находил новые выражения для своих мыслей. Он подбирал синонимы, вместо «дождь» говорил «вода, струящаяся с неба», вместо «лес» – «группа растущих вместе деревьев». Отрицая противоположное значение слова, которое уже не мог употребить, объяснялся от противного, что выглядело иногда, как загадка. Так вместо «кошка» он однажды сказал «мяукающий зверёк», в другой раз – «домашнее животное, но не собака, не лошадь, не курица, не хомяк...» и, перечислив с десяток домашних питомцев, вычеркнул их из памяти. Таким образом, его лексикон катастрофически сужался, немота подступала к нему, как вода к княжне Таракановой, теперь он всё чаще замолкал посреди разговора и, не в силах подобрать слова, объяснялся жестами. Тогда он стал выдумывать неологизмы, изобрёл собственный волапук, но и это не спасло – его языка никто не понимал. Пробовал он употреблять и знакомые ему иностранные слова, но они быстро исчерпались, а учить новые языки он не успевал – они забывались прежде, чем он овладевал ими...

Сунув в рот сигару, он щёлкнул зажигалкой, покосившись на дымивший кончик.

Она сидела, поджав ноги, и была вся внимание.

– Кончилось тем, что человек онемел. Он бродил в безмолвии посреди шумного, крикливого мира, страдая от того, что не может возвысить в нём голос. А однажды, созерцая толпу, заглушавшую пение птиц, вспомнил Гарпократа, бога молчания, которого изображали с прислонённым к губам пальцем; и тут его осенило, что каждое слово создано, чтобы быть произнесённым единственный раз, только тогда оно действительно, только тогда несёт смысл. А ещё он понял, что в повседневной жизни, пресной и однообразной, можно обходиться без слов. И тут к нему вернулся дар речи, которым он до конца дней так и не воспользовался...

Он выпустил дым:

– Вначале было Слово, а потом – слова, слова, слова...

– Грустная притча, – пересела она к нему на колени. – От частого повторения слова замирают. – И тут же капризно надула губки: – Глупый, зачем ты это рассказал? Больше не буду говорить, что люблю тебя!

Елизавета Александрова. «Он и она» (1984)

Психология цифр

В отличие от нашей математики, устанавливающей законы сразу для всех чисел, благодвильбрижцы придумали математику для каждого числа в отдельности, точно боясь их обидеть. Поэтому числа у них существуют обособленно, замыкаясь в своих непересекающихся мирах-скорлупках, точно в сотах, властвуют там, не подозревая о наличии друг друга, не подчиняясь общим правилам. Мне кажется, благодвильбрижцы поклоняются числам, как богам. Отведя каждому свою судьбу, мифологию, поселив в отдельные кумирни, они сделали из их ряда языческий пантеон.

В Шумриназе, стране, граничащей с Благодвильбриггом, построили математику, в которой результат операций над одними и теми же числами зависит от того, кто их производит. Одни и те же действия приведут дворянина – к одному, простолюдина – к другому, а купца – к третьему. По моему мнению, так закрепляется сословное неравенство. Впрочем, результат зависит и от личных качеств считающего, от того, левша он или правша, женат или холост, и даже от времени суток, когда производятся вычисления, от того, идёт ли дождь или светит солнце. Таким образом, общий счёт у шумриназцев невозможен, и возникающая путаница приводит к бесконечным спорам, чья математика лучше. В пользу своей индивидуальной арифметики они приводили тот довод, что раз голова у каждого своя, то и заключённая в ней вселенная должна иметь свою алгебру и геометрию, которые бы её отражали. «Арифметика, как религия, у каждого своя», – утверждают они. Когда, доказывая обратное, я привёл в пример нашу математику, удобства которой несомненны, потому что дважды два в ней всегда – четыре, а трижды три при любой погоде – девять, они были крайне удивлены. Она показалась им настолько скучной, что грозила свести с ума.

Джонатан ван Орин. «Новые путешествия Гулливера» (1752)

Четвёртая власть

В лесной глуши жили два певца. Когда они выводили трели, то птицы с позором смолкали, а весенние ручьи переставали журчать. Опережая эхо, их бас поочерёдно оглашал лесные окраины, и боги толкались тогда на галёрке, чтобы их услышать. И вот однажды в лесу заблудился столичный репортёр, рыщущий сенсации, точно свинья – жёлуди. Тропинка привела его к хижине одного из певцов, и он, недолго думая, толкнул дверь.

Фамилия хозяина оказалась Шаляпин.

Имени другого певца так никто и не узнал.

Никанор Мецкерский. «Так устроен мир» (1921)

Сказано – сделано

Когда цыганский барон узнал, что его дочь влюблена в простого пастуха, то поклялся перед всем табором отдать её за первого встречного. Вскоре к нему привели какого-то проезжего.

– Возьмёшь мою дочь?

– А она меня не опозорит? – спросил он, сомневаясь в её невинности. – Будет ли утром кровь?

Барон посмотрел на дочь. Густо покраснев, она кивнула.

И наутро свадебный шатёр был действительно в крови – зарезав ночью жениха, цыганка сбежала с пастухом.

Николае Ромалэ. «Цыганский вальс» (1823)

«Умом Россию не понять...»

Жил в русской глубинке Иван. И была у него мечта – в Москву съездить. Россия большая, один билет чего стоит – и копил Иван деньги всю жизнь. Наконец, сел в поезд, и прямо с вокзала – на Останкинскую башню. Столица – как на ладони, аж голова кружится! Посмотрел Иван на Москву сверху вниз, посмотрел на белокаменную и – плюнул:

«Да пропади она пропадом, Москва-то!»

Николай Блесков. «Разочарованный странник» (1981)

Изощрённые козни

Господин Чан Чунь, чиновник из Хэси, отличался скупостью и злобой. Нелюдимый, он скопил огромные богатства. Детей у него не было: его жёны умирали от тоски, не успев родить, а из родственников была только бедная чета в далёкой провинции. И вот до четы доходят вести о смерти Чан Чуня, завещавшего им своё поместье. Они очень обрадовались, надеясь, что теперь выберутся, наконец, из постоянной нужды, запрягли повозку со скудным скарбом и отправились в Хэси. Прибыв на место, они застали в доме престарелого слугу – остальная прислуга, по его словам, была распущена Чан Чунем перед кончиной. Слуга вручил им завещание. «Вы вступаете во владение моим имуществом на вторую луну после прибытия, – гласили иероглифы на шёлке. – Вы вольны распоряжаться им по своему усмотрению, но, что бы ни случилось, не имеете права прогонять старого слугу. Знайте, что скоро произойдут события, в которых он окажет вам важную услугу». Шли годы, которые супруги проводили в постоянном ожидании, гадая, какие события должны разыгаться. Они думали, что найдут зарытый Чан Чунем клад или Император подтвердит их высокий титул, унаследованный от умершего чиновника. Гремел ли гром, проезжал ли мимо всадник, просивший постоя, выдавался ли неурожай или крестьяне видели в небе крылатого дракона – они всё связывали с грядущими событиями, о которых предупреждало завещание. Другой тяжкой обузой стал слуга, который отравлял им дни. Казалось, он перенял нрав своего бывшего хозяина, делая жизнь невыносимой. Первой, не выдержав, заболела жена, за ней слёг муж. Мрачный слуга приносил им по утрам горшочки с рисом, но они уже и есть не могли, увядая на глазах. Слуга был бесстрастен, и только иногда в его глазах вспыхивали злые искорки. Однажды муж решился спросить, не знает ли слуга что-нибудь о предстоящих событиях.

– Почему предстоящих? – удивился тот. – Они давно идут, их главные участники – вы сами.

– А какую же важную услугу ты нам окажешь? – слабея, спросила жена.

– Когда вы умрёте, – зловеще расхохотался господин Чан Чунь, – я вас похороню!

И Сым Чжусу. «Книга утраченных царств» (VII в.)

Голый король. Продолжение

– А король-то голый! – закричал ребёнок, указывая на бредущую мимо процессию.
И вокруг него тотчас образовалась пустота.

– Негодяй! – ущипнула его какая-то женщина.

И заткнула уши. А минуту спустя портные, шившие королю воздушное платье, накинули ребёнку платок на роток и отвели за угол:

– Чего орёшь! Думаешь, все слепые?

И мальчик прозрел.

– Я, я... – пролепетал он. – Я хочу предложить беруши из «лапши»!

С тех пор он работает на телевидении, превращая зрителей в голого короля.

Андерс Хансен. «Сказки на новый лад» (1965)

Учение – свет!

- Прочитывая книгу, пробегаешь глазами километры!
- Полезнее бегать босым по траве.

- Изучай больше правил!
- И поймёшь, что жизнь – исключение.

- Читать – строить ум!
- А глаза – ломать.

- Познавать мир – значит познавать себя!
- И зря терять время.

Артём Бывальый. «Здоровый скепсис, или Пособие для начинающих жить» (1935)

Думать позитивно

Мысли покойного: «Гроб, конечно, тесноват. И подушка низкая. Ну да ладно, потерплю, кремация уже скоро. А с кем это жена кокетничает? Никак, с Теодисием Сиропулосом? Эх, врезать бы ему, да руки не действуют. Впрочем, тогда пришлось бы самому ботинки начищать...»

Мысли хоронящих: «На гробе-то сэкономили. И траур совсем не нарядный. А что это за брюнет рядом с вдовой? Чёрт, торчать ещё не меньше часа! Ну, не беда, возьмём своё на поминках, говорят, вдова – знатный кулинар...»

Мысли вдовы: «Ничего, что гроб бедноват – под цветами не видно. Зато ботинки блестят – ослепнуть можно. Однако, как много народу нацелилось на поминки! Надо будет представить им Теодисия, не устраивать же отдельные смотрины...»

Феоктист Закаридис. «Советы в никуда» (2003)

Личные мотивы

Дело происходит в одной из стран, историю которых наполняют перевороты и заговоры. Вот как объяснил своё участие в политической борьбе лидер победившей там революции. (Его именем вполне может быть Эскобар Санчес или Атабег Маздак-оглы.)

«Я родился в богатой аристократической семье и не имел ничего против действовавшего режима. Охота, гольф, званые ужины занимали моё время, женщины, роскошные автомобили и дорогие вина составляли круг увлечений. Пока внезапно на меня не свалилась болезнь. Врачи терялись в догадках, лекарства не помогали. Я предпринял путешествие в Европу, но и в её лучших клиниках развели руками. „Это у обычных людей болезни обычные, – сказали в одной из них, – а вы незаурядны“. Но я, как в трясику, всё глубже погружался в болезнь, сосредоточившись на ней, сходил с ума, пока однажды, в минуту отчаяния или просветления, не решил, что болею от праздности, что решительное дело, если не излечит меня, то отвлечёт. Так я примкнул к мятежникам. За высокопарной фразеологией я скрывал истинную причину, приведшую меня в их ряды, на сходках я говорил о всеобщем освобождении, но подразумевал собственное. Недуг делал меня красноречивым, мои выступления отличало горячее вдохновение. Мой язык, наряду с моими деньгами, завоевали мне популярность, и я стал во главе движения. Но главное, я убедил себя, что источником моих страданий является действующая власть, в которой прежде у меня было много искренних друзей. Я отдал все силы на подготовку восстания – и болезнь стала отступать. А окончательно я победил её с нашей победой. Посмотрите, как ликует народ! Меня переполняет гордость, и моё признание уже не имеет значения».

Борке Лумис Торкес. «История как курьёз» (1928)

Мудрость простодушия

- Я понял, как устроен мир!
- И как же?
- Неправильно!
- И всё?
- А куда больше? Зачем знать неправильное устройство?

Афиноген Грамматик. «В садах Академии» (IV в.)

Находчивость

Валерка – хитрый. Раз на танцах в чужом селе вышла у меня по пьяному делу стычка с местным. Отошли, как водится, в сторонку, я, не дожидаясь, ему и врезал. А он стоит, не падает! Здоровый оказался. А тут ещё из темноты трое подваливают. И все – кровь с молоком! Ну, думаю, Вася, попал ты, отметелят по полной! Весь хмель сразу вышел. Но тут вдруг сзади Валерка кричит: «Вася, только не доставай нож!» Какой нож? Ножа-то и в помине нет! А Валерка надрывается: «Вася, отдай нож, лучше так дерись!» Местные застыли. А кореш мой, знай, жарит: «Тебе что, мало? Только отсидел и опять?» И, заслонив меня спиной, обращается к местным: «Ребята, не доводите до крови, ему теперь на полную катушку отмотают!» Те попятились. Одно дело кулаками махать, а на финку напороться кому охота? Так и разошлись с миром.

Василий Грогуц. «Друзья моей шальной юности» (1976)

Абсолютная истина

– Что лучше, – спросил меня как-то учитель Чжэн, – волосатость или лысина?

Я пожал плечами.

– И всё же, попробуй ответить, – настаивал он.

– Из прошлого известно, – начал я, – что благородный муж с лысиной энергичнее, он сильный любовник, зато муж с густой шевелюрой выглядит привлекательнее...

Замахав руками, учитель перебил меня:

– А на других исторических примерах мы видим обратное: как раз мужи с длинными волосами неутомимы в бою и любви, а чистые, как зеркало, неоскверненные растительностью, смотрятся красивее.

Я окончательно смутился.

– И всё же, предпочтение есть, – смиловился учитель. – Скажи, какой сейчас правитель вашей области – лысый или лохматый? Это и определит, что лучше – иметь причёску или нет!

Цао Ли. «Учитель Чжэн» (1539?)

Реквием по художнику

Забранное решёткой окно отделяло боль от серости: боль человека – от серости дождя, боль гения – от серости раздражителей. В тусклом зеркале отражались протекающий умывальник, расшатанная этажерка и низкий потолок, навевающий мысли о склепе. Сгорбленный креслом, Поэт перечитывал своё лучшее произведение – семь рифмованных строф, посвящённых возлюбленной. Томик «Избранного», словно взъерошенный птенец, кричал в гнезде из пальцев. «Колокольцы без языков, – уткнулся Поэт в мёртвые буквы. – Любить не значит писать о любви, жизнь не сводится к сумме ежедневных мыслей».

Пахло сыростью, в напольной вазе блекли фиалки. «Счастливы немые, им уготовано царство земное, – думал Поэт. Или так думала Старость Поэта. – Блаженны нищие воображением, ибо утешатся они Необходимостью, блаженны убогие, ибо обретут они скуку Действительности». Губы ещё шевелили обращённую к стенам проповедь, как вдруг он увидел себя – паука, ткаущий сеть слов, муха, бьющаяся в их паутине. Кто призвал его отделять Слово от слов, растажиженных веками?

И на него навалилось одиночество, отвратительное, как толпа.

«Поэт – это проклятье, – клевал кто-то внутри. – Его строки выводит отчаяние, его реальность – пустые грёзы. Что толку в мечтаниях? Пусть они и всепроникающие, как Бог, пусть они и сейчас с тобой – в сумасшедшем доме».

Пальцы затрепетали, и дрожь передалась книге. Поэт смежил веки, и перед ним опять встали слова. Слова, слова, вываленные в чужой пыли слова, рабы, сбросившие оковы смысла, кукушки, давно оставившие суть вещей. Их, как вспаханное поле, передают по наследству вместе с безумием солнца и печалью луны.

Поэт ссутулился, уронив голову, на грудь. Любое ремесло – не крест, а горб, жрец искусства – такая же насмешка, как и магистр философии. «Впрочем, искусство – инакоформа философии, – переставлял он слова, как детские кубики. – А философия – инакоформа искусства, это различные формы инако...» Некоторое время он ещё упорно ловил окончание: «бытия», «сознания», «мыслия», – пока ни обнаружил себя среди вещей, которые намного старше их названий, пока ни вернулся к реальности-необходимости, пока ни упёрся в решётку, отделяющую боль от серости.

Капли по-прежнему долбили умывальник. Вот она, единственная мелодия, вот он, единственный рефрен! Жизнь – скучная притча, бессвязная, как бормотанье юридического.

По улице полз заблудившийся автобус. Стена дождя плашмя повалилась на булыжники, разбившись в ручьи, и прохожие воробышками прыгали по мостовой – расчётливо, опасливо.

И тут Поэт вдруг увидел смысл происходящего и вздрогнул, ибо острота видения – это острота боли. Подобрал с улицы метафору, он разгадал скрытый символ: слова – это камушки в мутном потоке сознания.

Смотри же, не сорвись с них в безумье тьмы, не забрызгай в сумасшествии своё белое, выгуженное чужими страданиями платье, не забудь, что шаг в сторону с проторенного другими пути – это Голгофа!

Фенимор Саливан Оберли. «Эзра Граунд» (1948)

Люди и звери

Этот случай произошёл в Африке, где я охотился на слонов. На заходе солнца я выследил небольшое стадо и подстрелил из укрытия молодого самца. Он упал, но снова поднялся, жалобно трубя. Передвигаться он не мог, видно, пуля задела позвоночник, и, мотая хоботом, топтался на месте. К нему тотчас подошли два других гиганта и, точно охранники, встали по бокам. Хлопая ушами, они старались поддержать его туловищами, пытаясь защитить от опасности, которую выискивали по сторонам маленькими злыми глазками. Так они простояли всю ночь. Наконец, на рассвете подренок свалился. Но и тогда меня не подпустили к бивням, забросав тело хворостом, точно похоронив.

Эта сцена всплывает у меня каждый раз, когда взывают о помощи. Мы также бессильны, несмотря на всю нашу технику, также немощны и способны лишь оплакивать. Впрочем, мы не делаем и этого...

Карл Бэкли. «История всеобщей беспомощности» (1931)

Основной вопрос философии

С рождения невидимые руки тащат меня вниз по лестнице. О, боги! Что ждёт меня в тёмном подземелье?

Древнеегипетские тексты. «Папирус из Фив № 21» (XV в. до н. э.)

Страшная месть

Во времена, когда история ещё не считалась наукой, а сводилась к историям за чаркой, рассказывали, что жена одного купца, которую тот поколачивал, по злобе настроила донос царю, будто её муж – великий лекарь. Царь в ту пору мучился ломотой суставов, и купца тотчас вызвали в Кремль. Там он клялся-божился, что ничего не смыслит в знахарстве, но после розог и угрозы смертной казни нарвал в лесу каких попало трав и приготовил царю ванну. А когда она чудом помогла, его опять высекли – за то, что держал рецепт в секрете. Так жена добилась своего. Но купец вскоре обо всём догадался и, разведясь, устроил так, что жену выдали за иностранца. Тот её полюбил, но через год супруга загрузила. «Ты меня не любишь, раз не бьёшь», – призналась она. Пришлось иностранцу надавать ей оплеух. А потом, чтобы доказать свои чувства, взялся и за плеть. Супруга заметно повеселела. С тех пор он регулярно «учил» её, приговаривая, что баба без мордобоя, как без пряника. Один раз он «приласкал» жену обухом, в другой – отделал поленом. Кончилось тем, что, войдя во вкус, он так отходил её дубиной, что она отдала Богу душу.

А на суде купец засвидетельствовал, что покойница жить не могла без побоев, и иностранца оправдали.

Капитан Аполинарьевич Щекочихин. «Предания русской старины» (1891)

Фата Моргана

Мимо зевающих подворотнями каменных зданий, мимо ярких витрин, в которых дают балы лакированные манекены, мимо уныло повесивших носы уличных фонарей, мимо скособоченных урн, со дна которых по утрам вместе с мусором вытряхивают схоронившийся от солнечных лучей прошлый вечер, который, свернувшись кошкой, дожидался там своего часа, чтобы снова выйти на улицы в тёмном костюме своём, не ведая, что час этот давно уже занят, что сумасбродное, словно молоденькая красавица, единственное удовольствие которой состоит в смене поклонников, время уже назначило скоротечное свидание другому обожателю из длинной-предлинной их очереди; мимо великих людей, водивших когда-то дружбу со временем, а теперь попирающих мраморными ногами гранит пьедесталов или высокомерно гарцующих на бронзовых лошадях, так и норовящих раздавить тебя задранными копытами, мимо расклеенных афиш, привлекающих неопытных обывателей – только сунься, прилепись, прочитай неосторожно: враз поплетёшься туда, куда зазывали, спрашивая себя дорогой: «И какого чёрта я туда плетусь?» – а сам ужеходишь в растворённые настежь ворота, уже подаёшь нехитрый гардероб свой усатому и строгому швейцару, который в душе непременно смеётся над тобой: «Ну что, ротозей, принесла нелёгкая?» – но виду не подаёт – служба-с! мимо румяных кренделей на вывесках, которые поедает взглядом голодный прохожий, мимо лип на бульварах и фикусов в окнах, под заунывную песню трамваев, которую прерывают лишь надрывные свистки регулировщиков, чьи жезлы мелькают в воздухе, как дирижёрская палочка, под окрики пьяных и сучную болтовню трезвых медленно тащит своё грузное тело свинцово-грязный мешок.

Видите на толстом брюхе его визитку – «50 кг»? А скрученные ворсинки, проступающие сквозь белила? Видите швы, разошедшиеся с левого боку? А прореху – с правого? Заплатку, насаженную на живую нитку? Вот же, он переминает своими угловатыми ножками, давя окурки и размазывая по асфальту плевки! Видите, как пошатывается, словно медведь после спячки? Ах, не видите! Ну да, как вам увидеть, если вы заняты чтением? Это я, случайный попутчик, вижу, как иногда выскочит кто-то из толчеи, размахивая локтями – так машет крыльями мельница, хоть и смолота уже вся мука, а она всё крутит и крутит впустую, ломая жернова, – как столкнётся он носом с мешком и опрокинет его с размаху. Ой, как больно! А из рваной дыры тогда – смотрите, смотрите! – вываливаются картофелины, которые, неловко прыгая, как объевшиеся комарами лягушки, гибнут под колёсами безжалостных машин.

Упал ничком, как оловянный солдатик, и, кажется, больше не встанет, но вот поднялся – мешок мешком! – и тарашится на изысканных дам, которым элегантные кавалеры спешат открыть дверцы дорогих авто, на важных господ, что держат под мышками руки дородных супругов или, на худой конец, газеты, свёрнутые трубочкой и мятые, как вам, верно, покажется, но непременно свежие, а не верите, так попробуйте выхватить да развернуть где-нибудь в укромном местечке, а хоть бы и на бульваре, на лавочке – тогда убедитесь; глазеет он и на барышень, которые вызывают румянец у гимназистов и желчь у старух. Ишь, раскатал губы! И откуда ты только взялся? Сбежал, верно, из овощной лавки, где вам, мешкам, перепиливают тупым ножом верёвочные жилы безжалостные фасовщики. А может, и приказ уже грозный отдан самым главным из них: выловить праздно шатающийся мешок, привести его под мои ясные очи! – и как ни утирай ты пот со лба, как ни спеши и ни бегай, всё равно поймают тебя и приведут на расправу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.